

«ЗАПИСКИ МЕЧТАТЕЛЕЙ»

Почему возникают «Записки Мечтателей»? — Как возникают? Пришла ли пора им возникнуть? Как слово «мечтатель» могло быть склоняемо, употребляемо в множественном числе? Уединенный мечтатель с высот Эльборуса (теперь уже — кратера) может писать свой дневник. Но «Коммуна» Мечтателей есть парадокс; а журнал, или — кафедра, или — коммуна. Естественно, что не кафедра мы. Как? Не кафедра? Значит «Коммуна»? «Коммуна» Мечтателей?

Так воскликнет читатель.

И мне, или — «нам» (если братья «Мечтатели» будут со мною согласны) придется ответить.

Возможна Коммуна Мечтателей.

Что есть «Коммуна»?

Она не есть равенство: братство она; идеал достижения на физическом плане есть братство; Свобода уже достижима в душе; достижимо лишь в духе свободное равенство; равенство, братство, свобода слагают отчетливый треугольник; но треугольник построен здесь в трех измерениях; соединить достижения равенства с братством в свободе — проблема, к которой едва мы подходим; предполагает она: соединенье души, тела, духа в согласную целостность; вычерчивая треугольник на плоскости материальной действительности получаем мы равенство прав при неравенстве устремлений к свободе и братству; получаем свободу при хаосе всех отношений. Соединить душу, тело и дух в неделимую целостность — кто это может теперь, на земле?

Устроая Коммуну, обыкновенно проводят с ней равенство: но не равны мы, мечтатели; если б мы были друг другу равны, то не стоило нам бы писать: надоели бы мы скоро друг другу; в Коммуне «Мечтателей» провозгласим же не равенство; мы, «Мечтатели» — лес; растопырились кроны вершинных стремлений — космато неравно; вон — яблоня; вот — тонкий тополь; вон — дуб; их ничто не сравниет. Пожалуй, в стволах, они равны. Что есть в нас наш ствол? Ствол в нас — личность. Но ствол от ствола отделен в лесной роще; соеди-

нить их насильственно — значит из леса построить забор; и в коммунальном строительстве сверху, как часто возводят заборы и думают, что заборы, где бревна равно все обтесаны, пригнаны однообразно друг к другу, — что эти заборы заменят веселую рощицу; рощица — целостность; в этом смысле «коммуна» она; но она — растет снизу, естественно, медленно, вызревая в годах, и сплетаясь вершинами листьев. Сплетение стволов, или личностей, всаженных сверху нелепыми кольями в землю и спаянных скрепами — нас ужасает; как личности, может быть, мы бежим друг от друга; но — братски мы тянемся в высях — вершинами.

Что в нас крона, шумящая над стволом нашей личности, обособленной и замкнутой в собственном росте? Конечно же, «индивидуальность» — она; «индивидуальность» — над личностью; индивидуальность — возвышена; но представление о ней, как о шпиге, ошибочно; в индивидууме «растворяется, разветвляется личность, исходит мечтательным шелестом листьев, цветами; как сумма стволов, мы равны: но здесь равенство нас в нашей бедности, в однообразии интересов, в отсутствии красоты; нет «товарища» — товарищ тогда, когда он не «товарищ», а — более: брат; в братстве ширимся мы, обнимаемся мы, образуя коммуны вершин, образуя коммуны из листовых шепотов, песен; о чем эти песни? О том, что несет буйный ветер из громкого мира событий на нас. Обрубите нам кроны; и «лепет» согласия песен умолкнет; заборы из бревен не радуют слуха: они не лепечут, а — жалко трещат. Коммуна, построенная лишь на равенстве голых стволов, убивает свободу напева; в ней срублены ветви; и братство объятий отсутствует; голые палки торчат; в нашем мире коммуна есть «братство». Мечтатели — братья. Но лес образует не только лишь чащу деревьев; заводятся в нем голосистые птицы и пчелы, и бабочки вьются над шепотом листьев его; и перелетают свободно они, переносят пыльцу от деревьев к деревьям; и рост, размножение, обсеменение леса зависят от бабочек, запорхавших над ним; так без свободы бабочек (бабочки — души мечтателей) не созреют плоды, не родятся деревья. К стволам вольных бабочек, если ж лес превратить в коммунальный забор из стволов, то исчезнут и пчелы, и птицы, и бабочки; только из братства рождается душа свободы в коммуне деревьев; из равенства голых стволов не родится свобода.

Лес не есть целостность, состоящая из деревьев и пчел, прилетающих к ним, но он — целостность этих деревьев и воздуха; лес испаряет обильную влагу; а влага сгущается в облака; где есть леса,

там обильны осадки; там край благоденствует; там деревья-мечтатели отдают свою влагу на общее дело; и соки, струясь в ясный день, соединяются в небе: облако—произведение духовной культуры мечтателей; то—Коммуна, которую видит прохожий из далей (не видит он рощицы); произведение духовной культуры страны есть единство; в нем мы умираем, как личности, и—воскресаем, как равные в духе, в воссозданном Граде; живейшими, равными каплями мы проблескаем из духа; забор, т. е. равенство личностей—не испаряет.

Записки Мечтателей—осознание себя рощицей, росшей годами;—разбросанные кучки деревьев и стволы этой рощицы отстоят далеко друг от друга, чтобы выветвить индивидуальные кроны, способные братски обняться и прошуметь песни времени, посылая друг к другу свободно порхающих бабочек: вырастить поросль; мы—рощица; не превращайте в забор нас: заборы не вырастят поросли; местность же, наша страна, ждет от нас тихоструйного облака; не превращайте в заборы нас: если все рощи скрепятся в заборы—изменится климат.

Обыкновенное приглашение в журнал («Напишите статью на такую то тему», «Нам нужны стихи строк на столько то»)—превращение каждого вольно шумящего дерева в ствол: обыкновенный журнал есть забор; то, что нами написано, осуществило себя вопреки всем журналам; в «Записках Мечтателей» осуществляем лишь принцип:—«Пишите нам то, что хотите; и—как хотите!» Редакторы и издатели иначе думают; нападают они на читателей; и обрубают зеленые ветви: писатель, обрубленный заданной темой,—только бревно, нельющее ливней; и птицы и пчелы свободного творчества покидают его.

Обыкновенно редакторы нападают на дерево, невращенное ими; растить не умеют они; и так скольких из нас погубили! Строительство жизни, вызывающее к соединению равенства, братства, свободы и не умеющее гармонически сочетать эти принципы,—нас заставляет сказать: сочетание это—в согласно поющих деревьях,—стволами отдельных (не сцепленных) и свободно летающих в души друг друга при помощи бабочек, строящих облако Нового Мифа. Но сочетание возможно лишь в Новой Коммуне (Коммуне, естественно вырастающей снизу, не осаждаемой сверху); мечта о подобной коммуне—в нас даже не песня, а—веянья песни, струимой из лепета испарением еще не видного облака; чтобы некогда облако это взойшло над страной, надо нам, одиноким «мечтателям» осознать, что коммуна

«мечтателей» создаваема при условии отделенности личностей, ветвящихся индивидуально растущую крону и посылающих друг ко другу в свободе полета своих птиц и пчел. Обособление личностей для слияния их в индивидууме песни лесной, сочетание тайны единства и множественности—вырастает отсюда; и вырастает отсюда возможность понять, как углами поставить загаданный треугольник из слов по отношению к четырем сторонам горизонта.

Андрей Белый.